

обратил внимание на роман «В своем краю», то впечатления, в этой связи полученные, могли оказаться одним из первоначальных импульсов и отчасти «этнографическим материалом» для его будущего произведения. Возможность знакомства Достоевского с писаниями Леонтьева в 60-х годах может быть допущена лишь гипотетически, прямых документальных подтверждений этому нет.

С 1871 г. имя Леонтьева прямо упоминается в письмах Достоевского. 10(22) февраля 1871 г. из Дрездена Достоевский писал Н. Н. Страхову, редактору журнала «Заря»: «В Октябрьском или Ноябрьском (а может, и в Декабрьском — виноват, не имею под рукою) номере Зари за прошлый год были помещены 2 статьи одного Г-на Константинова. В одной из этих статей он, для подкрепления одного мнения, выставляет на вид, что журнал Время и некоторые другие журналы известного направления имели малый успех... К чему же наездничать, как Г. Константинов, и извращать факты? Он не церемонится с фактами: ему так надо и он утверждает, как о верном, о том, чего не знает. Признаюсь Вам, многоуважаемый Николай Николаевич, что мне было тяжело встретиться с этим в Заре. Тут не самолюбие говорит... Он совершенно знал, что нельзя ему будет ответить. Ловкий человек.

Итак, кто же этот наездник, нашедший в Заре такое гостеприимство? Гостеприимство же действительно чрезвычайное; у него под Ватерлоо разбивает Наполеона Блюхер (которого там и не было), и Заря все это поместила у себя без оговорки и без возражения» [2, т. II, с. 326—327].

Статья «Грамотность и народность» Леонтьева, скрывшегося за псевдонимом «Константинов», была напечатана в ноябрьском и декабрьском номерах близкой Достоевскому «Зари» за 1870 г. Константинов обмолвился довольно развязно об очерке Страхова «Роковой вопрос», напечатанном в журнале «Время», из-за которого издание братьев Достоевских было запрещено. Читая статью, раздосадованный Достоевский не мог не обратить внимание на ее основные мысли. Во-первых — на положительную оценку «соединения самодержавия с коммунизмом», которое «на Западе есть кровавая революция, а у нас монархия и вера отцов» [8, т. III, с. 23]. Во-вторых — на проницательную трактовку значения поземельной общины как остатка крепостничества, доверчиво принимаемого ранними славянофилами, Герценом и Чернышевским, за признак крестьянского социализма. «Община будет у нас в высшей степени охранительным началом и предупредит развитие буйного пролетариата, ибо в ней, — цинично заявляет Леонтьев, — некоторого рода коммунизм существует уже *de facto*, а не в виде идеала, к которому следует рваться, ломая преграды» [8, т. VII, с. 45]. В-третьих — на доказательство необходимости сохранения неграмотности в народе — «почве»: «Надо, чтобы нам не испортили эту роскошную почву, прикасаясь к которой мы сами (т. е. верхний слой общества. — *Н. Р.*) всякий раз чувствуем в себе новые силы» [8, т. VII, с. 44]. «Я думаю, что даже и теперь, — барски-снисходительно бросает Леонтьев, — усердствовать с просвещением народа... вовсе нет нужды» [8, т. VII, с. 55]. Пройти мимо таких идейных перлов Достоевский, конечно, не мог, и его реакция на них прослеживается в записных тетрадах.

М. С. Гус, ссылаясь на основополагающую работу К. Н. Леонтьева «Византизм и славянство» (1875), в которой, кстати, только варьировались и усиливались положения статьи «Грамотность и народность», отметил, что Достоевскому импонировала в теориях Леонтьева мысль о противопоставлении Востока Западу, сосредоточивавшему в себе будто бы «гибельную идею» социализма. «Но он (Достоевский. — *Н. Р.*), — продолжает М. С. Гус, — не обратил, видимо, внимания на самое существо леонтьевских учений; ведь предложенная Леонтьевым система „нового феодализма“ была по-иному выраженной „шигалевищиной“» [11, с. 418]. Исследование материалов убеждает нас в том, что автор «Бесов»